

ПАНДЕМИЯ COVID-19. НОВЫЙ ВЫЗОВ КОНСТИТУЦИОННЫМ ПРАВООТНОШЕНИЯМ

Е.В. Лунгу

Кузбасский институт ФСИН России, г. Новокузнецк, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

26 июня 2020 г.

Дата принятия в печать –

20 августа 2020 г.

Дата онлайн-размещения –

01 октября 2020 г.

Ключевые слова

Конституционные правоотношения, пандемия, коронавирус, COVID-19, права человека, самоограничение конституционных прав, компенсационные конституционные правоотношения, цифровое государство, здравоохранение

Современные конституционные правоотношения рассматриваются в условиях правовой реальности, сложившейся в результате пандемии COVID-19. Утверждается, что пандемия COVID-19 оказала существенное влияние на состояние конституционных правоотношений и выявила наиболее острые социальные и экономические проблемы во всех сферах общественной жизни. Развитие конституционных правоотношений в условиях пандемии приведет к новому соотношению коллективных и индивидуальных прав человека; развитию института самоограничения прав человека; совершенствованию компенсационных конституционных правоотношений.

COVID-19 PANDEMIC. NEW CHALLENGE FOR CONSTITUTIONAL RELATIONS

Evgeniya V. Lungu

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russia

Article info

Received –

2020 June 26

Accepted –

2020 August 20

Available online –

2020 October 01

Keywords

Constitutional legal relations, pandemic, coronavirus, COVID-19, human rights, self-restriction of constitutional rights, compensatory constitutional legal relations, digital state, healthcare

The subject. Current constitutional legal relations are considered in the context of the objective legal reality of the COVID-19 pandemic.

The purpose of the article is confirmation or confutation of the hypothesis that COVID-19 pandemic impacts on the development of constitutional relations.

The methodology. The author uses the method of comparative legal analysis legal measures aiming the minimization of pandemic's impact on society and formal legal analysis of legislative acts.

The main results of the research. It is alleged that the COVID-19 pandemic had a significant impact on the state of constitutional legal relations and revealed the most acute social and economic problems in all areas of public life.

The development of constitutional legal relations in a pandemic will lead, firstly, to a new correlation of collective and individual human rights. As a result of a pandemic, constitutional legal relations in the healthcare sector will move from the category of individual right to life and health to the category of public interest. When the health of an individual citizen is a guarantee of economic and public safety.

Secondly, the development of the institution of self-limitation of constitutional human rights. From the position of law, self-restriction of rights allows: to ensure personal and public safety of citizens; avoid introducing restrictions on constitutional rights and freedoms; eliminate redundancy of human rights restrictions.

Self-limitation of constitutional human rights is considered as conscious voluntary abstinence from the exercise of constitutional rights on the recommendation of public authorities in an emergency or other conditions close to them (high alert, self-isolation) in order to ensure public and personal safety. Self-limitation of constitutional human rights allows us to observe the constitutional balance of personal and public interests.

Thirdly, the experience of combating a pandemic has shown that if the population is able to cope with the consequences of a short-term restriction of their rights on their own, then

long-term quarantine measures lead to a significant drop in incomes of the population and must be compensated by the state.

Conclusions. The COVID-19 coronavirus pandemic on the one hand triggered a new stage of constitutional legal relations, and on the other hand, like any emergency, exposed the most acute social and economic problems in society. The development of constitutional legal relations in the context of the emerging digital society and the state will not only lead to the development of new principles of constitutional development and, as a result, to constitutional legal relations of a new, digital level, but also affect such areas as the ratio of collective and individual human rights; development of the institution of self-restriction of human rights; further improvement of compensatory constitutional legal relations.

1. Введение

Еще совсем недавно, рассуждая о вызовах современным конституционным правоотношениям, мы называли построение цифрового государства, состояние экологической среды, проблемы миграции и другие вызовы современности. Но, в декабре 2019 года информационные агентства облетела новость о коронавирусе в китайской провинции Хубэй. По данным Роспотребнадзора эпидемия COVID-19 затронула помимо Китая более 180 государств и охватила порядка 10 млн чел. Последствия пандемии COVID-19 еще только предстоит оценить, как собственно и пережить саму пандемию. Беспрецедентные меры, принятые во многих государствах мира с целью преодоления ее последствий позволяют предположить, что пандемия будет способствовать изменению многих общественных отношений.

Конституционные правоотношения с одной стороны, определяют устои государства, ценности и идеалы общества, социальную обусловленность и самостоятельность права, а с другой – влияют на текущее законодательство и состояние отраслевых правоотношений. Они обеспечивают идентичность правовой системы национально-культурным традициям народа и идеалам права, которые приняты обществом [1, с. 46–47]. Именно эти причины побудили традиционное японское государство пойти по пути изменения конституции [2, pp. 59–86]. В предметном плане конституционные правоотношения выражают права и свободы человека и гражданина, основы конституционного строя и принципы правовой организации общества являясь классическими правоотношениями [3, с. 14; 4, с. 56]. Конституционные правоотношения, пишет Д.Н. Миронов, – гаранты роли государства. По своей природе конституционные правоотношения связаны с самодостаточностью конституции [5, с. 34–45].

2. Пандемия коронавируса как фактор влияния на конституционные правоотношения

Конституционные правоотношения, как базовые общественные отношения построения право-

вого государства, признания и соблюдения прав и свобод человека в период пандемии COVID-19 подверглись испытанию на прочность. Конституционные правоотношения долгие годы развивались под влиянием различных внутренних и внешних факторов, которые подробно были исследованы нами в более крупной работе [6]. Пандемию коронавируса можно признать самым сильным за последние десятилетия фактором. Постепенное развитие пандемии и вовлечение в нее государств, как со старыми демократиями, так и вновь построенными демократиями одновременно выявило как слабые стороны конституционных правоотношений, так и подтолкнуло к новому этапу развития правоотношений.

Хронологически важным для абсолютного большинства государств явилось зарождение и успешная борьба с COVID-19 именно в Китае. Быстрое введение строгого карантина на всей территории провинции Хубэй, где проживает 65 млн чел. поставило перед всем мировым сообществом вопрос, совместимы ли конституционные правоотношения и эффективная борьба с пандемией. С одной стороны сотни и тысячи жертв пандемии, а с другой стороны права и свободы человека. Авторитарные методы государственного управления позволили быстро провести целый комплекс необходимых карантинных мер и остановить распространение эпидемии на всей территории государства.

Непростой для государств с устоявшимися конституционными правоотношениями выбор разделил мир на два лагеря. С одной стороны, это государства, которые под влиянием высокого уровня смертности от COVID-19 ввели строгие ограничения конституционных прав и свобод. Италия, Испания, Чехия, Великобритания, США, Германия. С другой стороны, государства, отказавшиеся от серьезных ограничений прав человека даже в условиях пандемии Швеция, Нидерланды, Бразилия, Беларусь, Мексика и Южная Корея выбрали альтернативные пути борьбы с пандемией. В ряде случаев такая тактика себя оправдала

(Южная Корея), в других случаях вызвала вопросы (Бразилия, Мексика, Швеция, Нидерланды).

Пандемия коронавируса высветила, а в отдельных случаях и усугубила накопившиеся проблемы, связанные с реализацией прав и свобод человека преимущественно наиболее незащищенных слоев населения. Так в США отмечается обострение проблем связанных с расовыми предрассудками, по данным ООН в целом увеличилось количество преступлений против женщин и детей (домашнее насилие), в Италии, Великобритании, Швеции выявлены массовые случаи нарушения права на здоровье пожилых граждан.

Социал-дарвинистический подход к спасению населения продемонстрировали многие европейские государства с развитыми конституционными правоотношениями. В США, Испании, Швеции, Великобритании в медицинской помощи было фактически отказано пожилым гражданам и мигрантам. В результате Согласно данным Европейского бюро ВОЗ, в странах региона до половины всех смертей от коронавируса приходится на центры содержания пожилых людей. В Испании 66 %, Великобритании 25 % смертей приходится на дома престарелых¹. Необходимо отметить, что, по мнению европейских правоведов, «конституционный плюрализм может и будет оставаться актуальным для отношений ЕС/Великобритании, а также в рамках ЕС, в будущем» [7].

3. Последствия влияния пандемии коронавируса на конституционные правоотношения

Далеко не каждое государство оказалось готовым к изменению объективной правовой реальности, как с позиции сложившихся конституционных правоотношений, так и с точки зрения развития систем здравоохранения и социального обеспечения. Изменения, вызванные необходимостью борьбы с пандемией, повлекли за собой создание как совершенно новых правовых институтов, так и послужили мощным стимулом для развития зарождающихся конституционных правоотношений.

Во-первых, появился новый вид конституционных правоотношений – самоограничение конституционных прав человека. До настоящего времени, термин «самоограничение» применялся только по отношению к государству. Как к системе ограничений, при

которой на первом плане стоит обеспечение свободы граждан [8, с. 12], как ограничение ее дискретности, устанавливаемое по инициативе и воле правящих элит, продиктованное «инстинктом самосохранения» или же внешними оценками международного сообщества [9, с. 13–17]. В работах посвященных правовому государству самоограничение власти справедливо выделяется в качестве принципа совершенствования государства [10, с. 260–263]. В этой связи применительно к конституционно-правовым принципам уместно сослаться на мнение Н.А. Богдановой, которая справедливо считает, что выделение и систематизация принципов конституционного права связано с наиболее высокой степенью логического обобщения, выводящей конституционно-правовое знание на уровень философии права [11, с. 165].

Самоограничение конституционных прав человека следует рассматривать как сознательное добровольное воздержание от реализации конституционных прав по рекомендации органов государственной власти в чрезвычайной ситуации или иных близких к ним условиях (режим повышенной готовности, самоизоляции) в целях обеспечения общественной и личной безопасности. Самоограничение конституционных прав человека позволяет соблюсти конституционный баланс личных и общественных интересов.

Самоограничение и ограничение конституционных прав объединяют общие конституционные цели – защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов, обеспечение обороны страны и безопасности государства (ст. 56 Конституции РФ). Ограничения конституционных прав устанавливаются только федеральными законами (ч. 1 ст. 56 Конституции РФ). Однако, анализ эмпирических материалов показал, что ограничение прав и свобод возможно не только федеральными законами, но и распоряжениями глав субъектов Российской Федерации². В научной литературе отмечается, что бездействие органов законодательной власти в качестве «интерпретирующей помощи» может вызывать «практические, концептуальные и конституционные проблемы» [12]. Поэтому такая практика вызвала целый ряд обращений в судебные органы Вологодской, Оренбургской и

¹ Почему в странах Запада наблюдается высокий уровень летальности от COVID-19. URL: https://news.rambler.ru/other/44195139/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 29.05.2020).

² Например, Распоряжение Губернатора Кемеровской области № 34-рг от 3 апреля 2020 г. О введении режима «По-

вышенная готовность» на территории Кемеровской области – Кузбасса и мерах по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19). URL: <http://www.zakon.kemobl.ru/> (дата обращения: 27.05.2020).

Тюменской областях, в Республике Коми, в Москве и в некоторых уральских регионах.

Самоограничение конституционных прав и свобод реализуется на основании обращений глав государств и руководителей правительств, главных санитарных врачей, отдельных министров³. В частности, в Швеции Агентства общественного здравоохранения формулирует рекомендации для граждан и ежедневно проводит брифинги⁴. Самоограничения и ограничения не должны в скрытой форме отменять или умалять права и свободы человека и гражданина. Они могут применяться только в той мере, в какой это необходимо в предусмотренных конституциями целях.

С позиции права, самоограничения прав позволяет: обеспечить личную и общественную безопасность граждан; избежать введение ограничений конституционных прав и свобод, как следствие признания прав и свобод человека высшей ценностью; исключить избыточность ограничений прав человека.

Эмпирическим путем установлено, что самоограничение права реализуется только в условиях доверия населения к рекомендациям органов государственной власти. Опыт борьбы с COVID-19 показал, Япония, Южная Корея, смогли обойтись без строгих ограничительных мер именно потому, что рекомендации государства по самоизоляции были с доверием восприняты обществом. В Швеции очень высок уровень доверия к государственным институтам: в марте 2020 года, по соцопросам, уровень доверия к Агентству общественного здравоохранения вырос с 65 до 74 %, а личный рейтинг доверия к самому главе эпидемиологической службы А. Тернеллу составил 53 % – выше, чем у лидера любой шведской партии⁵.

Во-вторых, получают дальнейшее развитие компенсационные конституционные правоотношения. Опыт борьбы с пандемией показал, что если с последствиями краткосрочного ограничения права население способно справиться самостоятельно, то длительные карантинные меры приводят к существенному падению доходов населения и должны компенсироваться государством. По данным МОТ только первый месяц кризиса привел к падению доходов населения на 60 %, а в дальнейшем до 1,6 млрд рабочих во всем мире потеряют средства к существованию⁶. В США прошли вооруженные акции протеста с требованиями немедленно отменить введенные ограничения и разрешить вернуться к работе. В Вашингтоне около 2,5 тыс. чел. в столице штата Олимпии потребовали от губернатора ослабить ограничения. В Мичигане, где протест собрал около 3 тыс. участников, некоторые пришли с винтовками, пистолетами и американскими флагами. Примерно 100 протестующих около здания правительства Огайо призвали губернатора-республиканца Майка Девайна положить конец режиму самоизоляции. Более 200 протестующих вышли на улицы Хантингтон-Бич, Калифорния. Похожие акции проходили в Колорадо, Монтане, Миннесоте, Техасе, Кентукки и Мэриленде⁷.

Механизм компенсаций падения доходов экономики и населения предусматривается целым рядом государств. В частности, в Российской Федерации дополнительные выплаты предусмотрены семьям с детьми. По данным Пенсионного фонда уже с апреля 2020 г. 19 млн семей получила выплат на общую сумму 274 млрд руб.⁸ Кроме того предусмотрен пакет экономических мер для наиболее пострадавших отраслей экономики. В Совете Евросоюза со-

³ Брифинг Дмитрия Чернышенко, руководителя Ростуризма Зарины Догужовой и руководителя Роспотребнадзора Анны Поповой 25 мая 2020 г. URL: <http://government.ru/news/39752/> (дата обращения: 27.05.2020); Рекомендации МИД РФ №144-30-01-2020 В связи со вспышкой в Китае новой коронавирусной инфекции. URL: <https://www.mid.ru/ru/press-service/content/id/4013950> (дата обращения: 27.05.2020).

⁴ Агентство общественного здравоохранения <https://www.folkhalsomyndigheten.se/smittskydd-beredskap/utbrott/aktuella-utbrott/covid-19/> (дата обращения: 27.05.2020).

⁵ URL: <https://meduza.io/feature/2020/04/20/rekomendatsii-vmesto-zapretov-kak-shvetsiya-spravlyaetsya-s-epidemiej-koronavirusa-i-spravlyaetsya-li>

⁶ МОТ предупредила о лишении 1,6 млрд человек средств из-за коронавируса. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ea99c159a794754e3325d7f?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 2.05.2020).

⁷ В США вторую неделю проходят акции протеста против карантина. Протестующие требуют «открыть страну». URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8292673> (дата обращения: 20.05.2020).

⁸ Пенсионный фонд выплатит семьям с детьми до 16 лет дополнительные 10 тысяч рублей по указу президента. URL: http://www.pfrf.ru/press_center/~2020/06/23/207922 (дата обращения: 25.06.2020 г.).

гласовали выделение € 37 млрд в рамках мер для защиты экономик блока от влияния коронавируса, Министерство финансов Великобритании объявило о предоставлении кредитных гарантий на £ 330 млрд и предоставлении трехмесячной отсрочки по ипотеке; правительство ФРГ приняло пакет помощи частным предпринимателям и компаниям, а также различным группам населения общим объемом около € 750 млрд. Меры экономической поддержки предусматриваются законодательством многих государств⁹.

В-третьих, конституционные правоотношения в сфере здравоохранения в результате пандемии перейдут из категории индивидуального права на жизнь и здоровье, в категорию общественного международного интереса. Когда здоровье отдельного гражданина является гарантией экономической и общественной безопасности. Анализ систем здравоохранения государств пострадавших от пандемии COVID-19 показал, что доступность медицинской помощи играет ключевую роль в борьбе с пандемией и является гарантией наименьших социальных и экономических потерь. Опыт борьбы с эпидемией в США, продемонстрировал что, несмотря на высокий уровень развития медицины, это государство стало лидером по числу заболевших, свыше 2 млн чел., и количеством умерших более 124 тыс. чел. по причине недоступности медицинской помощи для части населения. 27,5 млн американцев не имеют медицинской страховки, что составляет 8,5 % населения США¹⁰.

Нобелевский лауреат Джошуа Ледерберг говорил «мир это всего лишь одна деревня»¹¹. В 2017 году Обижиофор Агинам призывал США, совместно с другими государствами, стать лидером в области глобального здравоохранения, особенно в областях исследований, разработок, надзора, образования, координации и обучения. «Учитывая, что все человечество в настоящее время взаимно уязвимо перед трансграничной угрозой болезней». «Мы» и «они», или различия «наша болезнь» и «их болезнь» стали анахронизмами. Все человечество стало неотъемлемой частью общего договора. «Наше общее здоровье будущее» [13].

⁹ Какие меры для поддержки экономики вводили в разных странах в связи с коронавирусом. URL: <https://tass.ru/info/8088363> (дата обращения: 25.06.2020 г.).

¹⁰ Тысячи смертей. Почему в США так много жертв коронавируса. URL: <https://ria.ru/20200401/1569418622.html> (дата обращения: 2.05.2020 г.).

¹¹ Global Health Leadership Officer, World Health Organization, Geneva, Switzerland; Assistant Professor of Law, Carleton University, Ottawa, Canada.

В-четвертых, вынужденное социальное дистанцирование ускоряет темпы цифровизации государств и внедрение искусственного интеллекта. Цифровизация экономики и образования, цифровые пропуска и «код здоровья» инструменты, активно внедряемые современными государствами. Внедрение цифровых систем управления позволило построить в Ухане (КНР) госпиталь площадью почти в 60 тыс. кв. метров всего за 10 дней. Южная Корея провела скоростные тесты для 200 тыс. граждан и использовала смартфоны для отслеживания перемещений зараженных, чтобы оперативно оповещать здоровых людей о таких перемещениях¹².

В науке конституционного права активно обсуждается необходимость формулирования конституционных принципов цифрового государства, в новых условиях эта работа как никогда актуальна. Нами уже предлагались отдельные конституционные принципы цифрового государства призванные обеспечить развитие технологий в рамках конституционных правоотношений [14, с. 61–63]. Необходимость правового регулирования в области цифровизации и появление в связи с этим новых правовых институтов и конструкций отмечается в работе А.Т. Карасева, О.А. Кожевникова, В.А. Мещерягина [15, с. 99–119].

В-пятых, COVID-19 не мог не внести коррективы в систему конституционных ценностей. В Италии, Греции, Франции, Кипре, России в период эпидемии право на свободу передвижения ограничивалось введением пропускной системы. Превалирование права на коллективную безопасность, над правами отдельных граждан отмечается и ООН, которая также отметила, что эпидемия коронавируса может угрожать правам человека¹³. Наряду с терроризмом, пандемия меняет представление о соотношении коллективных и индивидуальных прав человека. Ввиду того, что пандемия коронавируса пока не имеет четких временных границ и сложно прогнозируема, можно предположить, что мейнстримом ближайшего будущего будут оставаться проблемы коллективной безопасности. Как следствие, индивидуальные права человека будут реализовываться

¹² Коронавирус как толчок к волне инноваций: три новые технологии, которые подстегнула эпидемия. URL: <https://mc.today/koronavirus-kak-tolchok-k-volne-innovatsij-tri-novye-tehnologii-kotorye-podstegnula-epidemiya/> (дата обращения: 25.06.2020 г.).

¹³ Защита прав человека в условиях пандемии COVID-19. URL: <https://www.un.org/ru/coronavirus/protecting-human-rights-amid-covid-19-crisis>.

настолько, насколько это позволяют требования коллективной безопасности.

Правовым последствием превалирования коллективных прав над индивидуальными правами человека в государствах с недостаточно устойчивыми конституционными правоотношениями может стать усиление контроля со стороны государства за деятельностью граждан. Пандемию коронавируса не только можно признать фактором определяющим развитие конституционных правоотношений в обозримом будущем, но и индикатором зрелости конституционных правоотношений.

4. Заключение

Таким образом, пандемия коронавируса COVID-19 с одной стороны послужила толчком но-

вого этапа конституционных правоотношений, а с другой стороны, как любая чрезвычайная ситуация, оголила наиболее острые социальные и экономические проблемы в обществе. Развитие конституционных правоотношений в условиях складывающегося цифрового общества и государства не только приведет к выработке новых принципов конституционного развития и как следствие к конституционным правоотношениям нового, цифрового уровня, но и затронет такие сферы как соотношение коллективных и индивидуальных прав человека; развитие института самоограничения прав человека; дальнейшее совершенствование компенсационных конституционных правоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Осипов М.Ю. Теория конституционно-правовых процессов: монография / М.Ю. Осипов. – М.,: Nota Bene, 2011. – 299 с.
2. Matsui S. Fundamental Human Rights and 'Traditional Japanese Values': Constitutional Amendment and Vision of the Japanese Society / S. Matsui // *Asian Journal of Comparative Law*. – 2018. – Vol. 13, iss. 1. – P. 59–86. – DOI: 10.1017/asjcl.2017.25.
3. Козлова Е.И. Конституционное право России / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. – М.,: ТК Велби, Проспект, 2010. – 347 с.
4. Лучин В.О. Особенности конституционно-правовых отношений / В.О. Лучин. – М.,: Юристъ, 2003. – 159 с.
5. Миронов Д.Н. Конституционные правоотношения: воздействие на правовую систему / Д.Н. Миронов // *Журнал российского права*. – 2013. – № 12. – С. 33–45.
6. Лунгу Е.В. Конституционные правоотношения: опыт теоретического исследования / Е.В. Лунгу. – Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский ин-т ФСИН России, 2018. – 106 с.
7. Mac Amhlaigh C. Back to a Sovereign Future?: Constitutional Pluralism after Brexit / C. Mac Amhlaigh // *Cambridge Yearbook of European Legal Studies*. – 2019. – Vol. 21. – P. 41–58. – DOI: <https://doi.org/10.1017/cel.2019.8>.
8. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма) / А. Шайо. – М.: Юрист, 1990. – С. 12.
9. Бородач М.В. Принцип самоограничения публичной власти во взаимодействиях публичных собственников с иными (непубличными) собственниками: конституционно-правовые основания и содержание / М.В. Бородач // *Конституционное и муниципальное право*. – 2017. – № 6. – С. 13–17.
10. Милушева Т.В. Самоограничение государственной власти: правовое измерение / Т.В. Милушева // *Юридическая техника*. – 2018. – № 12. – С. 260–263.
11. Богданова Н.А. Система науки конституционного права / Н.А. Богданова – М.: Юристъ, 2001. – 256 с.
12. Bailey D. Interpreting parliamentary inaction / D. Bailey // *The Cambridge Law Journal*. – 2020. – Vol. 79, iss. 2. – P. 245–259. – DOI: 10.1017/S0008197320000276.
13. Aginam O. From Isolationism to Mutual Vulnerability and Back: International Law and Unfair Distribution of Global Disease Burdens / O. Aginam // *Proceedings of the ASIL Annual Meeting*. – 2001. – Vol. 95. – P. 58–64. – <https://doi.org/10.1017/S0272503700056615>.
14. Лунгу Е.В. Тенденции развития конституционных правоотношений в свете перехода к DIGITAL STATE / Е.В. Лунгу // *Российская юстиция*. – 2020. – №2. – С. 61–63.
15. Карасев А.Т. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации / А.Т. Карасев, О.А. Кожевников, В.А. Мещерягин // *Антиномии*. – 2019. – Т. 19, вып. 3. – С. 99–119.

REFERENCES

1. Osipov M. Yu. *Theory of constitutional-legal processes*. Moscow, Nota-Bene Publ., 2011. 299 p. (In Russ.).
2. Matsui S. Fundamental Human Rights and 'Traditional Japanese Values': Constitutional Amendment and Vision of the Japanese Society. *Asian Journal of Comparative Law*, 2018, vol. 13, iss. 1, pp. 59-86. doi:10.1017/as-jcl.2017.25.
3. Kozlova E.I., Kutafin O.E. *Constitutional law of Russia*. Moscow, TK Velbi, Prospekt Publ., 2010. 347 p. (In Russ.).
4. Luchin V.O. *Features of constitutional law relations*. Moscow, Jurist Publ., 2003. 159 p. (In Russ.).
5. Mironov D.N. Constitutional legal relations: impact on the legal system. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian law*, 2013, no 12, p. 33–45. (In Russ.).
6. Lungu E.V. *Constitutional legal relations: the experience of theoretical research*. Novokuznetsk, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2018. 106 p. (In Russ.).
7. Mac Amhlaigh C. Back to a Sovereign Future?: Constitutional Pluralism after Brexit. *Cambridge Yearbook of European Legal Studies*, 2019, vol. 21, pp. 41-58. DOI: <https://doi.org/10.1017/cel.2019.8>.
8. Chaillot A. *Self-restraint of power (a short course of constitutionalism)*. Moscow, Yurist Publ., 1990. (In Russ.).
9. Borodach M.V. The principle of self-restriction of public authority in the interactions of public owners with other (non-public) owners: constitutional and legal grounds and content. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo = Constitutional and municipal law*, 2017, no 6, pp. 13–17. (In Russ.).
10. Milusheva T.V. Self-restraint of state power: legal dimension. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical techniques*, 2018, no. 12, pp. 260–263. (In Russ.).
11. Bogdanova N.A. *The system of constitutional legal science*. Moscow, Yurist Publ., 2001, 256 p. (In Russ.).
12. Bailey D. Interpreting parliamentary inaction. *The Cambridge Law Journal*, 2020, vol. 79, iss. 2, pp. 245-259. DOI: [10.1017/S0008197320000276](https://doi.org/10.1017/S0008197320000276).
13. Aginam O. From Isolationism to Mutual Vulnerability and Back: International Law and Unfair Distribution of Global Disease Burdens. *Proceedings of the ASIL Annual Meeting*, 2001, vol. 95, pp. 58–64. <https://doi.org/10.1017/S0272503700056615>.
14. Lungu E.V. Trends in the development of constitutional legal relations in the light of the transition to the DIGITAL STATE. *Rossiyskaya yustitsiya = Russian justitia*, 2020, no. 2, pp. 61–63. (In Russ.).
15. Karasev A.T., Kozhevnikov O.A., Meshcheryagin V.A. Digitalization of legal relations and its impact on the implementation of individual constitutional rights of citizens in the Russian Federation. *Antinomii = Antinomies*, 2019, vol. 19, no. 3, pp. 99–119. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лунгу Евгения Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасский институт ФСИН России 654067, Россия, г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, 49 E-mail: lungu.const.law@gmail.com SPIN-код РИНЦ: 5553-2526

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Evgeniya V. Lungu – PhD in Law, Associate Professor; Head, Department of State and Legal Disciplines Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia 49, Oktyabr'skii pr., Novokuznetsk, 654067, Russia E-mail: lungu.const.law@gmail.com RSCI SPIN-code: 5553-2526

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Лунгу Е.В. Пандемия COVID-19. Новый вызов конституционным отношениям / Е.В. Лунгу // Правоприменение. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 69–75. – DOI: [10.24147/2542-1514.2020.4\(3\).69-75](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(3).69-75).

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Lungu E.V. COVID-19 pandemic. New challenge for constitutional relations. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 3, pp. 69–75. DOI: [10.24147/2542-1514.2020.4\(3\).69-75](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(3).69-75). (In Russ.).